

— В ответ отцу: лекари говорят, старший брат лишь крови много потерял, отдохнёт — поправится. Навестив брата, я вышел прогуляться и ненароком с сыном одного сановника в перепалку вступил. Он меня похабно обругал, я в сердцах приказал на улице казнить. Теперь одумался — поступил опрометчиво, прошу отца простить, — Сяо Лян на коленях докладывал, взглянуть на Сяо И не смея.

— Чей это сын? И что именно наговорил? — спросил Сяо И, в душе уже сомневаясь. Характер Ляна он знал: даже слуг редко наказывал. Как же так — из-за перебранки смертный приговор вынес?

— Второй сын помощника цензора Коу, Коу Пэн. Поносил меня такими словами, что повторять перед отцом не посмею, — ответил Сяо Лян.

— А, старика Коу отпрыск. Тот его на старости лет родил, баловнем, слышал, растил. Любопытно, с чего это он тебя вдруг поносить вздумал? И как ты его узнал-то?

Сяо Лян с детства слаб здоровьем был, редко на людях появлялся, с сыновьями сановников не водился. Как же Коу Пэна опознал? Чем больше думал Сяо И, тем менее простой история казалась.

— Я с Цзи Ланем в «Ифэнлоу» вино пил, он и признал его. Причину же его ругательств... не хочу говорить, дабы... дабы отца не огорчать.

Сяо И слегка нахмурился, помолчал:

— Ступай, отдохни. Дело это я уяснил.

Сяо Лян удалился, не ведая, что Сяо И взглядом дал знак — сегодняшних провожатых к себе вызвать. Выслушав их рассказ, император в гнев пришёл:

— Немедля выяснить, откуда про старшего принца слухи пошли!

Коу Чаоминг в числе тех сановников был, что Сяо Чэна в наследники прочили. И вот его отпрыск на людях такие речи разводит. Не иначе как по указке Сяо Чэна. Но тут же Сяо И подумал: уж больно подозрительно совпало. Да и Сяо Чэн уже несколько дней в заточении, весь дом теперь лишь о том, как его вызволить, — когда им клеветой на Сяо Цяня заниматься?

Лян же, запинаясь, видать, не хотел Коу Чаоминга подводить. Добёр малый слишком, хоть Сяо Чэн им и воспользовался, а он всё за того заступается. Но коль за Коу Чаоминга тайно вступается, значит, ведаёт, чей тот сторонник. Выходит, Лян его не так уж в дворцовых делах несведущ. Вот только доброта эта рано или поздно ему же вредить станет. Так оставлять нельзя.

Собрался уже Сяо И указ издать, как евнух Чжан доложил:

— Помощник цензора Коу Чаоминг аудиенции просит!

— Не надо. Видеть его не желаю. Передать: Коу Чаоминг сына в нерадении воспитал, посему в Линнань сослать, в путь немедля пуститься.

К вечеру дошло до Цзи Ланя — задумался он. В последнее время со Сяо Лянем чаще общался, и казался ему принц тот — от мирской суеты в стороне, к борьбе за престол, о коей дед толковал, и вовсе непричастен. Но сегодня глянул: казнил Коу Пэна, вину на себя взял, и вмиг

помощник цензора с должности полетел. Видно, всё же принц, не разглядел он его. Сердце у Цзи Ланя ёкнуло, решил про себя: станет он тому боевым искусствам учить — крайне осмотрительным быть, ни малейшей вольности не допускать.

Сяо Цзюэ в доме князя Юэ дотемна пробыл, а вернувшись в Дворец Хранения Изящества, о происшествии узнал — и заподозрил неладное. Спросил у наложницы Шу Цзи:

— Матушка, слухи, будто старший брат матерей да жён губит, — это ты распустила?

— Да. Не уверуй в это Поднебесная — как же брат твой старший обет свой сдержит, как уклонится от новых браков, что отец твой ему пожалует? Лишь так сможет он все силы на помощь роду Шэнь для тебя положить, — медленно ответила наложница Шу, будто ожидая, что Сяо Цзюэ в гневе вспыхнет.

Но Сяо Цзюэ лишь сказал:

— Матушка права, замысел поистине искусен. Устал я сегодня, отдохнуть пойду.

С этими словами напрямик в опочивальню направился. В покоях несколько служанок ожидали. Взглядом выделил среди них Сюаньцзи, что император ему пожаловал:

— Сюаньцзи останься, прочие — вон.

Служанок этих Сяо И с умыслом дарил. Бить их нельзя, бранить — тоже, прочие слуги и подавно перечить не смели. Вспомнил Сяо Цзюэ: когда-то Сяо И Сяо Цяню служанку пожаловал, тот страшно негодовал, из-за чего они с Сяо Цзюэ долго в ссоре были. Теперь понимал: тому и вовсе труднее пришлось. Не принять служанку — воле отца перечить, принять — скандал на весь дворец поднимется. И всё это — скрывая истинную причину, по которой служанок принимать не желал.

Сюаньцзи, почуяв на себе пристальный взгляд, глаза опустила:

— Ваше высочество, чего это вы так на рабу смотрите?

— Скажи-ка, из чего это женщины сделаны? Отчего стоит «погубить» — и умирают? Коли ты умрёшь — это я тебя погубил? — спросил Сяо Цзюэ.

Сюаньцзи на колени рухнула:

— Ваше высочество, помилуйте! Чем провинилась раба, не ведаю!

— Да в чём тебе провиниться? Помнится, в день свадьбы старшего брата я пьяным вернулся, ты меня на покой укладывала?

— Так точно.

— Значит, ты ко мне в наложницы приписана? Гордишься, поди, что так скоро при дворе моём оказалась? Скоро, глядишь, на ветку фениксом взлетишь — поздравляю, — произнёс Сяо Цзюэ.

— Не смею, ваше высочество! Не смею! — Сюаньцзи земно поклонилась, лицо смертной бледностью покрылось.

— Чего не смеешь? Разве я не слышал, как на днях похвалялась? Посмотрим же, как мёртвая на ветку взлетит! — Сяо Цзюэ шагнул вперёд, вцепился ей в горло. Та и сопротивляться не

успела — он сжимал всё туже, пока дыхание не покинуло её.

Ни слова не говоря, приказал:

— Бумагу, тушь — подать.

Служанка Сяо Чуань, войдя и тело Сюаньцзи увидев, оторопела, но пикнуть не посмела, лишь кисть да бумагу подала.

Сяо Цзюэ, не касаясь туши, палец укусил и кровью вывел:

— Сын ваш непутёвый, служанку в неразумии убил. Молю отца позволить мне в храм Дасянго удалиться, сто сурт переписать — да упокоится душа её.

Велел тут же евнуху в Чертог Двойного Великолепия отнести. Наложница Шу, весть услышав, примчалась в ярости:

— Негодный сын! Думаешь, не вижу, что затеял? Жизнь одной служанки — и каяться в храм? Это явно брату твоему старшему намек! Проклятый этот, жив останется — одна беда! Вы братья родные, противоестественно это! Воздаяние небесное не минует!

Сяо Цзюэ безмятежно ответил:

— Матушка на старшего брата руку поднять замыслила — я знаю. Но сегодня сын непокорный одно сказать должен: коль кого и погубит он, так только меня, ибо в сердце его и в очах — я один. Убьёшь его — и я за ним последую. Не веришь — попробуй.

Наложница Шу таких слов никак не ждала. Слёзы брызнули, она лицо рукавом прикрыла и выбежала. В Чертоге Двойного Великолепия Сяо И, доклады окончив, ко сну уже готовился, как доложили: князь Ци без причины пожалованную служанку убил да письмо кровью написанное прислал. Развернул, вздохнул:

— Эх, один другого беспокойней. Передать: позволяю.

Тем временем к концу года приближалось. Сяо Чэн в заточении уже не первую неделю был, а при дворе да в народе толки не утихали. Из-за покушения на Сяо Цяня Инь Чжунлинь прошение об отставке по нездоровью подал. Главнокомандующий Гу Чжао уже выступил к южным землям — наступающим полчищам из Дянь противостоять. На утреннем приёме сановники в споры пустились, Сяо И, слушать устав, удалился, повелев лишь Цзи Ланфэну для беседы остаться.

Цзи Ланфэн, великий наставник, отец наложницы Шу Цзи, за семьдесят перешагнул, в делах — строгой последовательности держался. Сяо И ему сидеть позволил и прямо спросил:

— Великий наставник Цзи, как вы на дело князя Чжао смотрите?

Цзи Ланфэн почтительно поклонился:

— Старый слуга полагает, что лишь на письма из покоев Сы Юэ да Сяо Лю опираясь, вину князя Чжао утверждать трудно. Пусть почерк сходен, но талантов в Поднебесной много, подделать — не диво. Старый слуга дела о несправедливых обвинениях в прежние времена изучал — и там подлоги почерка встречались. Хоть и делу невероятному, но возможному. К тому же, коль сие для оговора князя Чэна использовать — речь о личной добродетели всего

лишь. Ваше величество слегка покарать может, большая вина тут не усматривается.

<http://bllate.org/book/15946/1425641>